Изъ воспоминаній о быломъ (1837—1845 г.)

(По поводу годовщины смерти прот. А. В. Кургановича).

Въ настоящемъ мѣсяцѣ, 22 числа, исполнится годъ со дня смерти соборнаго протоіерея и члена консисторіи, А. В. Кургановича. Кажется, еще такъ недавно жилъ онъ между нами, такъ недавно многіе изъ насъ приходили къ нему, въ его скромную квартиру, всегда встрѣчая нашъ радушный пріемъ и искренній привѣтъ. Пользуемся наступающею годовщиной смерти о. Андрея, чтобы еще напомнить о жизни его, особенно же о времени ученія его въ Жировицахъ, такъ какъ эта эпоха (1837—45 г.) имѣла важное значеніе не только для послѣдующей пастырской дѣятельности почившаго, но она имѣетъ и общій интересъ.

Сверстники Андрея Викторовича, ученики Жировицкой семинаріи и училища конца 30-ыхъ годовъ, безъ сомнѣнія, хорошо помнятъ, что греко-унитскіе порядки во всей силѣ господствовали тогда на всемъ пространствѣ Литовской епархіи. Духовенство брилось, стригло волосы, носило длинные сюртуки и обтянутые *сукни*, послѣднія въ родѣ мѣшка, со множествомъ пуговокъ по лѣвому борту; исключеніе изъ этого составляли въ Жировицахъ лишь двое—преосвященный Антоній Зубко и предсѣдатель консисторіи, протоіерей Антоній Тупальскій: они оба носили бороду и одѣвались въ рясу. Преподаваніе въ классахъ происходило на русскомъ языкѣ, а нѣкоторые богословскіе предметы въ 37—8 г. читались на латинскомъ, но языкъ польскій былъ разговорнымъ для всѣхъ учениковъ, а въ семьяхъ ихъ онъ господствовалъ безраздѣльно, если не считать того, что въ разговорѣ съ прислугой были въ употребленіи, смотря по мѣстности, то малороссійскій, то бѣлорусскій *). Правда, лица начальствующія понуждали учениковъ и внѣ класса говорить между собою порусски, но принудительныя мѣры, заведенныя инспекторомъ, іеромонахомъ Игнатіемъ Желѣзовскимъ, впослѣдствіи епископъ Брестскій, напр. выучить 20—30 греческихъ вокабулъ изъ словаря, мало дѣйствовали. Вскорѣ онѣ были брошены, такъ что всѣ, безъ стѣсненія, вели разговоръ на польскомъ языкѣ, что продолжалось и по перемѣщеніи семинаріи въ Вильну (1845 г.). Священники, отцы жировицкихъ питомцевъ, только въ городахъ уже тогда начали нѣсколько привыкать къ русской рѣчи, благодаря знакомству съ военными и съ педагогами дворянскихъ училищъ. Сельскіе же настоятели не только не имѣли почти никакого понятія о русскомъ языкѣ, даже по славянски читали и произносили слова не правильно, своеобразно, а иные съ немалымъ трудомъ. Изъ учителей училища хорошо владѣлъ языкомъ одинъ священникъ Жирицкій, обучавшій въ немъ катихизису и латинскому языку, знатокъ многихъ языковъ, ученая голова и дѣльный преподаватель; ему мѣсто было не въ училищѣ, но онъ почему то находился, какъ говорится, въ загонѣ, ходу ему не давали. Его уроки приносили большую пользу его ученикамъ, а характеръ этого наставника—прямой, независимый, при замѣчательномъ умѣ, нѣтъ сомнѣнія, не въ одну юную душу учившихся у него мальчиковъ, въ числѣ коихъ находился и покойный о. Андрей, заронилъ сѣмена той же прямоты и той же нелюбви приноравливаться къ личнымъ вкусамъ и прихотямъ людей. И можно сказать, что ученики о. Жирицкаго главнымъ образомъ ему обязаны первыми практическими познаніями въ русск. языкѣ. Вскорѣ не малою поддержкой въ дѣлѣ усвоенія этого языка для Андрея Викторовича послужило еще то, что вторымъ священникомъ къ Пружанской Христорождественской церкви, настоятелемъ которой былъ его отецъ, назначенъ Евѳимій Яковл. Причевскій. Онъ и его жена, Александра Матвѣевна, всегда говорили только порусски, оба прекраснѣйшаго характера, общительные, веселые, любили поговорить, и для дѣтей о. Виктора явилась прекрасная практика во время пріѣздовъ ихъ домой на праздники и каникулы. Вообще, языкъ русскій для насъ, дѣтей тогдашнихъ еще уніатскихъ священниковъ, явился первымъ звеномъ той незримой цѣпи, помощію которой установилась мало по малу крѣпкая духовная связь между нами съ одной стороны и русск. отечествомъ и правосл. церковію съ другой.

И въ богослуженіи много было тогда страннаго, даже смѣшнаго. Между священниками 30-хъ годовъ, особенно стариками, не малое число было такихъ, которые всего хуже знали именно то, что, при ихъ профессіи, слѣдовало бы знать всего лучше; даже школьное образованіе ихъ было ничтожно. Мы, дѣти, нерѣдко прислуживали нашимъ отцамъ во время *шептаной* обѣдни, усердно колотя въ колокольчикъ, становясь на колѣни и съ трудомъ перенося съ одной стороны на другую тяжелый *мшалъ*. Въ праздничные дни, послѣ обѣдни, начинались такъ называемые *здроваськи*: мужички подаютъ *трояки* (1½ к.) или пряжу, а священникъ попольски призываетъ всѣхъ прочитать за упокой такого-то и столько-то разъ „Богородице, Дѣво, радуйся!" Случалось, что во время службы церковной громко отдавались приказанія по дому и хозяйству. Бывали настоятели большихъ, богатыхъ приходовъ, которые сами почти не служили, въ приходъ никогда не заглядывали, особенно для совершенія требъ; за нихъ все исполняли ихъ викаріи. Не удивительно, что такіе отцы, какъ напр. одинъ очень ученый и заслуженный прелатъ (потомъ протоіерей), почти забывали славянскую печать. Съ этимъ прелатомъ случилось, что, выйдя на молебенъ, онъ сильно навралъ во время чтенія Евангелія, которое ему слѣдовало бы знать наизусть безъ ошибки, и это было уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ 1839 года. Но въ Жировицахъ церковная служба совершалась чинно, важно, съ подобающимъ благолѣпіемъ, пѣніе было стройное, по уніатскому ирмологіону, и тамъ же тогдашніе ученики привыкали незамѣтно къ перемѣнѣ, которая на ихъ же глазахъ совершилась; они были свидѣтелями, въ Іюнѣ этого года, торжественнаго служенія, которое, въ присутствіи высшихъ властей края, совершили преосвященные Іосифъ, Исидоръ и Антоній; пѣли пѣвчіе преосвященнаго Исидора. Все это не осталось безъ вліянія на покойнаго о. Андрея, тѣмъ болѣе что дома онъ уже не видѣлъ и не слышалъ ничего, что бы могло смущать его душу, какъ то было съ нѣкоторыми изъ его соучениковъ, а еще чаще съ болѣе возрастными, изъ коихъ иные только ради выгодъ и ради будущей корьеры затаивали въ глубинѣ души своей то, что они думали. И тутъ вліяніе о. Евѳимія было также полезно и благодѣльно: служилъ онъ прекрасно, пѣлъ хорошо, ни о какихъ унитскихъ порядкахъ не имѣлъ понятія и, благодаря ему, какъ дѣти о. Виктора, всегда пѣвшіе на клиросѣ, такъ и самъ о. Викторъ скоро привыкли къ новому строю вещей и навсегда остались ему вѣрными, *ничтоже сумняся*.

За годъ съ небольшимъ до окончанія Андреемъ Викторовичемъ семинаріи, въ Жировицы прибылъ новый ректоръ, архим. Евсевій Ильинскій, впослѣдствіи экзархъ Грузіи. Онъ замѣнилъ б. ректора, прот. Ипполита Гомолицкаго, а до того онъ былъ ректоромъ Кіевской семинаріи. Выборъ, сдѣланный покойнымъ митрополитомъ Іосифомъ, былъ самый удачный. Молодой, высокій, красивый собою, новый ректоръ произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, всѣмъ понравился. Онъ всегда отличался ровнымъ, спокойнымъ обращеніемъ *), привѣтливостью, нерѣдко посѣщалъ классы и

*) Но были и такія священническія семейства, въ которыхъ употреблялся попреимуществу или малорусскій или бѣлорусскій языкъ. Ред.

*) Сначала ему показалось страннымъ, что семинаристы танцуютъ въ стѣнахъ семинаріи, что у нихъ свой оркестръ, усердно разъигрывавшій кадрили, вальсы и др. танцы, свой хоръ, исполнявшій въ свободное время разныя пѣсни, впрочемъ только русскія, польскихъ никогда; но скоро онъ узналъ, что все это было тогда дозволено, не считалось за-

внимательно просматривалъ и оцѣнивалъ сочиненія семинаристовъ, которыя они писали у разныхъ наставниковъ. Послѣ преосвященнаго Платона, нынѣ митрополита Кіевскаго, а тогда епископа Ковенскаго, новый ректоръ Евсевій былъ второю прекрасною личностью изъ неуроженцевъ края, вліяніе которой было весьма благотворно на недавно возсоединенныхъ уніатовъ.

Вотъ среди какихъ обстоятельствъ и подъ какими вліяніями мало по малу совершился рѣшительный переломъ въ умѣ и чувствѣ учащагося поколѣнія въ періодъ времени 1837—45 года, когда Андрей Викторовичъ проходилъ семинарскій курсъ. И онъ всегда былъ искренно преданъ церкви православной и всему русскому, въ то же время никогда не отличался нетерпимостью фанатика къ своимъ противникамъ по вѣрѣ и языку. Да упокоитъ Господь Богъ душу такъ безвременно почившаго раба Своего!

С.-Петербургъ. 8-го февраля.

Предыдущій № сданъ на почту 6-го Февраля.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1883 г.